

КТО МЫ?

Константин Бальмонт

ГЕНИИ, ОХРАНЯЮЩИЕ РОССИЮ

Москва
ИЗДАТЕЛЬСТВО
РОДИНА
2026

УДК 130.2
ББК 83.3(2=411.2)5
Б21

Бальмонт К.

Б21 Гении, охраняющие Россию / К. Д. Бальмонт. – М.: Родина, 2026. – 200 с. : илл. – (Кто мы?).

ISBN 978-5-00269-220-0

«Жутко, будучи русским, быть вынужденным говорить о русских. Есть в русской душе много достоинств, и нет, кажется, в мире таких недостатков, которых не было бы в русском характере», – писал Константин Бальмонт, русский поэт-символист, переводчик и эссеист, один из виднейших представителей русской литературы Серебряного века.

Однако, продолжал он, «в каждом великом царстве есть хотя один гений-охранитель его, а обыкновенно их несколько. Гении-охранители одним своим присутствием ручаются, что великое царство за мигом падения знает торжество возрождения, и нет ему гибели». В своих очерках и эссе, представленных в данной книге, Бальмонт ярко, образно и глубоко пишет о русской душе, русском характере и «гениях, охраняющих Россию».

УДК 130.2
ББК 83.3(2=411.2)5

ISBN 978-5-00269-220-0

© ООО «Издательство Родина», 2026.

Содержание

Н.А. Тэффи. Наш Бальмонт. Воспоминания

о Серебряном веке.	7
Россия была влюблена в Бальмонта	7
Бальмонт и Брюсов	11
Как я встретила с Бальмонтом.	11
Его смех	13
В эмиграции	15
Отношение ко мне.	17
Метерлинк.	17
Последние годы	18

К.Д. Бальмонт. Гении, охраняющие Россию 21

Русская душа	21
Воля России.	21
Русский язык	26
Народные поверья.	28
Народная воля	34
Без русла	37
Революционер я или нет	42
Рознь.	56
Белый сон	60
К молодым поэтам	68

Гении, охраняющие Россию.	72
Гении-охранители	72
О русских поэтах.	73

Пушкин	92
Лермонтов	97
Баратынский	101
Тургенев	104
Аксаков	117
Тютчев	121
Некрасов	129
Фет	135
Достоевский	142
Толстой	147
Чехов	162
Блок	165
Брюсов	169
Куприн	173
Скрябин	183
Цветаева	190

Н.А. Тэффи.
Наш Бальмонт. Воспоминания
о Серебряном веке

Россия была влюблена в Бальмонта

К Бальмонту у нас особое чувство. Бальмонт был наш поэт, поэт нашего поколения. Он наша эпоха. К нему перешли мы после классиков, со школьной скамьи. Он удивил и восхитил нас своим «перезвоном хрустальных созвучий», которые влились в душу с первым весенним счастьем.

Теперь некоторым начинает казаться, что не так уж велик был вклад бальмонтовского дара в русскую литературу. Но так всегда и бывает. Когда рассеется угар влюбленности, человек с удивлением спрашивает себя: «Ну чего я так бесновался?» А Россия была именно влюблена в Бальмонта. Все от светских салонов до глухого городка где-нибудь в Могилевской губернии знали Бальмонта. Его читали, декламировали и пели с эстрады. Кавалеры нашептывали его слова своим дамам, гимназистки переписывали в тетрадки:

*Открой мне счастье,
Закрой глаза...*

Либеральный оратор вставлял в свою речь:

— Сегодня сердце отдам лучу...

А ответная рифма звучала на полустанке Жмеринка-товарная, где телеграфист говорил барышне в мордовском костюме:

— Я буду дерзок — я так хочу.

У старой писательницы Зои Яковлевой, собиравшей у себя литературный кружок, еще находились недовольные декаденты, не желающие признавать Бальмонта замечательным поэтом. Тогда хозяйка просила молодого драматурга Н. Евреинова прочесть что-нибудь. И Евреинов, не называя автора, декламировал бальмонтовские «Камыши»:

*Камыш-ш-ши... ш-ш-шуршат...
Зачем огоньки между ними горят...*

Декламировал красиво, с позами, с жестами. Слушатели в восторге кричали: «Чье это? Чье это?»

— Это стихотворение Бальмонта, — торжественно объявляла Яковлева.

И все соглашались, что Бальмонт — прекрасный поэт.

Потом пошла эпоха мелодекламации.

*В моем саду сверкают розы белые,
Сверкают розы белые и красные,
В моей душе дрожат мечты несмелые,
Стыдливые, но страстные.*

Декламировала Ведринская. Выступали Ходотов и Вильбушевич.

Ходотов пламенно безумствовал, старательно пряча рифмы. Актерам всегда кажется, что стихотворение много выиграет, если его примут за прозу. Вильбушевич разделявал тремоло и изображал море хроматическими гаммами. Зал гудел восторгом.

Я тоже отдала свою дань. В 1916 году в Московском Малом театре шла моя пьеса «Шарманка Сатаны». Первый акт этой пьесы я закончила стихотворением Бальмонта. Второй акт начала продолжением того же стихотворения. «Золотая рыбка». Уж очень оно мне понравилось. Оно мне нравится и сейчас.

*В замке был веселый бал,
Музыканты пели.
Ветерок в саду качал
Легкие качели.
И кружились под луной,
Словно вырезные,
Опьяненные весной
Бабочки ночные.
Пруд качал в себе звезду,
Гнулись травы зыбко,
И мелькала там в пруду
Золотая рыбка.
Хоть не видели ее
Музыканты бала,
Но от рыбки, от нее
Музыка звучала... и т.д.*

Пьеса была погружена в темное царство провинциального быта, тупого и злого. И эта сказка о рыбке такой милой, легкой, душистой струей освежала ее, что не могла не радовать зрителей и не подчеркивать душной атмосферы изображаемой среды.

Бывают стихи хорошие, отличные стихи, но проходят мимо, умирают бесследно. И бывают стихи как будто банальные, но есть в них некая радиоактивность, особая магия. Эти стихи живут. Таковы были некоторые стихи Бальмонта.

Я помню, приходил ко мне один большевик — это было еще до революции. Большевик стихов вообще не признавал. А тем более декадентских (Бальмонт был декадентом). Из всех русских стихов знал только Некрасовское:

*От ликующих, праздноболтающих,
Обагряющих руки в крови
Уведи меня в стан погибающих.*

*Прочел, будто чихнул четыре раза.
Взял у меня с полки книжку Бальмонта, раскрыл, читает:*

*Ландыши, лютики, ласки любовные,
Миг невозможного, счастья миг.*

— Что за вздор, — говорит. — Раз невозможно, так его и не может быть. Иначе оно делается возможным. Прежде всего надо, чтобы был смысл.

— Ну, так вот слушайте, — сказала я. И стала читать:

*Я дам тебе звездную грамоту,
Подножием сделаю радугу,
Над пропастью дней многогрозною
Твой терем высоко взнесу...*

— Как? — спросил он. — Можно еще раз?

Я повторила.

— А дальше?

Я прочитала вторую строфу и потом конец:

*Мы будем в сияньи и в пении,
Мы будем в последнем мгновении
С лицом обращенным на юг.*

— Можно еще раз? — попросил он. — Знаете, это удивительно! Собственно говоря, смысла уловить нельзя. Я, по крайней мере, не улавливаю. Но какие-то образы возникают. Интересно — может, это дойдет до народного сознания? Я бы хотел, чтобы вы мне записали эти стихи.

Впоследствии, во время революции, мой большевик выдвинулся, стал значительной персоной и много покровительствовал братьям-писателям. Это действовала на него магия той звездной грамоты, которую понять нельзя.